Утро начиналось медленно, пахло стоячим воздухом.

Вася вставал рано. Поднимался сам, не дожидаясь мамы, звонка будильника. Откидывал в сторону шерстяное одеяло, вставал на холодный пол. Искал тапочки. Обычно один оказывался под кроватью – приходилось наклоняться и долго шарить в темноте, и руки потом были все покрыты серой крошащейся пылью.

Вася открывал окно – не целиком, а щелочку, как учила мама. Зимой открывать окно нужно совсем чуть-чуть, даже когда тепло, даже когда тяжело дышать ночью и просыпаешься со сжатыми с двух сторон висками, с частыми ударами-барабанчиками. Тук-тук, тук.

Он и сейчас проснулся с барабанчиком, поэтому сразу открыл щелочку.

В щелочку сразу вошел запах, а Вася посмотрел в окно – вниз, на тропинку, по которой со всего района ребята ходили в школу. И он тоже.

Вася не помнил, когда он впервые почувствовал этот запах, – кажется, когда они переехали сюда, его еще не было – или же сам Вася был слишком маленьким, чтобы заметить и запомнить. Но мама сразу же сказала, поморщившись – я же говорила, что это слишком близко, нужно было подальше снять. Отец ответил – где же я тебе денег столько возьму, чтобы подальше. Может, потом, со временем. Со временем переберемся подальше, пообещал отец.

С тех пор прошло полтора года, и они не перебирались. Да и не было никакого «подальше» – весь город стоял кругом завода, обнимал его, окольцовывал, а запах чувствовался всюду, даже за рекой.

За рекой Вася был только один раз – на дне рождения Светки. Она туда весь класс притащила, они походили, поржали, их тошнило после «Ягуара», а Вася ждал, когда можно будет уйти. Его не тошнило, совсем. Но и сладко-розовый вкус не нравился, от него хотелось пить воду, а ее за реку не взяли. Он дождался маршрутки, сунул в белую твердую ладонь водителя пять рублей жалкой мелочью, по копеечке почти – но водитель ничего, ссыпал только все в железную банку. Приехал домой и выпил три стакана воды. К вечеру и не пахло совсем, хотя мать бы и так не заметила. Она после смены в ларьке приходила маленькая, с черными лицом и ногтями.

За Волгу ездили, спросила мама, а Вася сказал – да, ездили.

– Заходь в поїзд, не треба плакати, – говорил папа и повторял много-много раз – не треба плакати. А Вася все равно плакал – не всхлипывал, но текло капельками, стирал с подбородка. Мама тоже в сторону смотрела, как будто боялась из-за

Сморгнешь белое, вылезет черное, а потом опять белое. И не проходит, пока не уляжешься под шерстяным одеялом в маленькой комнате, которую Вася делил с младшим братом, в которой всегда стоял тяжеловатый смутный запах, не исчезающий никогда. И дело было не в полузакрытой форточке – если открыть сильнее, запахнет еще больше, особенно сейчас, зимой.

него расстроиться и тоже разрыдаться на перроне, и тогда папа стал бы кричать на них обоих.

– Ніби на смерть їдемо, – папа поднимал сумки в тамбур. Мама стояла, маленькая и обмягшая, не поднимала ничего, даже ее дамскую кожаную сумку папа вынул из ее рук и отдал Васе. Васе не хотелось стоять с женской сумкой вот так при всех, при проводнике – молодом парне с красной шелушащейся кожей, как он ездит, умывается едва капающей водой из-под крана в туалете, где вечно пахнет гниющими яблоками и мочой. – Замовчати. Перед людьми соромно.

Хотя никто не смотрел на восьмилетнего Васю, а если и оборачивались – то только на маму, тогда еще тонкую и печальную, без появившихся через четыре года пятнышек на лице и везде.

– А тебе не стыдно перед людьми, что дом продал за копейки, а сам с теми же копейками едешь – и куда? Куда едем?

– Я тебе сказал, куда. – Папа с мамой всегда переходил на русский. – Чего вы причитаете, как по покойнику, а. Едем, хорошо едем, сейчас поезд тронется, а вы все ноете. Смотри, вон даже Васька успокоился.

Но Вася не успокоился, а просто сел верхом на свою тугую набитую сумку, оседлал скорее, чтобы очень уж не наваливаться, не раздавить деревянный самолетик, собранный недавно по схеме из журнала. Вася думал, что самолетик не доедет туда, куда решил поехать отец.

– Ты даже не знаешь, будет ли там работа. – Мама пошла за отцом по плацкартному вагону. Пахло копченой колбасой, и старыми матрасами, и спитым чаем. – Хорошо, может, тебе и будет работа. Но ты не подумал, что мне там…

– А что тебе, – отец пошел следом, пиная перед собой вещи, – тебе-то что. Ну найдешь место гардеробщицей там или куда. И давай сядем уже. Где там места наши?

Билеты у мамы, но она уже убрала после контроля, не хочет доставать.

Тогда отец сам открыл ее сумочку и вытащил, посмотрел места, которые забыли – хотя он столько раз смотрел перед поездкой, что странно, что не запомнил.

Зачем поехали, что потеряли?

Вася вспомнил, что в России, куда они едут, нет никакого моря.

Больше не разговаривали, а мама пошла на кухню греть кашу, которая осталась с утра на плите. Это мама сама так придумала – варить на завтрак что-нибудь, кашу или рожки, днем перехватывать что-то на работе, да и девчонка-сменщица вечно что-нибудь оставляла угоститься – сушки с маком или еще чего, – а вечером просто подогревать то, что осталось. Вася тоже ел с ней. Отец ел в заводской столовой, а вечером сам варил себе пельмени. Вася с мамой эти пельмени никогда не трогали, потому что отцу нужно было есть жирное, хорошее, чтобы хватало сил работать на заводе, а им с мамой – что. Они и не делают почти ничего.

И Вася сам почти не думал про подогретую кашу, а только сильно кружилась голова под вечер и перед глазами всякое мельтешило. Сморгнешь белое, вылезет черное, а потом опять белое. И не проходит, пока не уляжешься под шерстяным одеялом в маленькой комнате, которую Вася делил с младшим братом, в которой всегда стоял тяжеловатый смутный запах, не исчезающий никогда. И дело было не в полузакрытой форточке – если открыть сильнее, запахнет еще больше, особенно сейчас, зимой.

Это пахнет НПЗ.

Да что вы заладили вдвоем с матерью, сказал тогда отец. Вот там и взаправду пахнет, а тут что – тьфу. Ну почувствуете когда, так это вам делать нечего. Взяли да полы бы помыли в доме – тогда, глядишь, и не пахло бы.

Пахнет им, блин. У нас вся страна так пахнет.

Вася не верил, что страна так пахнет. В городе, в котором они жили раньше – он помнил смутно и странно, но именно это и *хотелось* помнить, – пахло совсем иначе: булочной номер один и булочной номер два, кожей и клеем из палатки «Ремонт обуви», цветами и весенней землей, свежей краской бордюров, ожиданием моря, до которого можно было доехать на электричке за сорок минут.

Здесь есть река, но Вася она не понравилась – гладкая, смутная, без запаха почти. До нее тоже ехать сорок минут, но не электричкой – а белой грязной маршруткой, где просьбу об остановке нужно громко кричать на весь салон.

Вася не любил кричать. В школе не выкрикивал, сидел молча, отчего учителям казалось, что этот новенький там и не привык. Но он привык – почти ко всему, кроме воды нефтеперерабатывающего завода и запаха.

Не было ничего в Энске. Ничего, ничего.

Вася вышел на кухню. Мама уже там, склонилась над кастрюлькой – халат натянулся на спине, образуя заметные складки. Она не замечала, а вещи не покупала давно – как привезла из того, прежнего дома, сумки с платьями и кофточками, так про новые и не думала. И этот халат Вася видел там, давно – она на крыльцо выходила, стояла, щурилась, хотя вроде и незачем было.

– Что сутулый такой. – Мама повернулась к нему, но не пристально, невнимательно – как будто то, что он сутулый, уже срослось с ним намертво, так, что ничего другого уже и не скажешь. – Сделал бы гимнастику.
– Я делал.

Делал, давно.

Сутулости он не замечал.

Это учителя говорили, и мама вот.

Больше никто. Правда, никто и не разговаривал. Даже тогда, на реке, – Света не смотрела, Аня не смотрела. И зачем ехал только.

– Я манную сварила, будешь?

Он сел за стол. Папа уже ушел, потому что каша холодная. Он старался съесть полную тарелку – все, что положила мама.

– Сегодня куда после школы?
– Никуда.
– Никуда… я и то ходила. Во дворец пионеров, на кружки какие-то, что ли. Неужели здесь нет? Я читала – робототехника или что-то в этом роде. Узнал бы.
– Мам, ну какая еще техника.
– Ну все равно на что. Сидишь, сидишь. Света белого не видишь.

Он видел.

(Запах растворился, смешался с запахом манной каши, погас.)

– Так поспрашиваешь ребят про кружки? Или я в школу позвоню, – сказала неуверенно, потому не станет никуда звонить – Вася знал. И когда просили позвонить – не звонила.
– Поспрашиваю.

Он представил: Дима, а скажи, на какие кружки можно после школы пойти, а Дима – коренастый, растущий еще в ширину, скажет – умом поехал, что ли, какие тут тебе еще кружки. Или хуже скажет. Вася помнил, как, потому не спрашивал, как мама не звонила.

А если спросить у Светки?

Ведь поехал же он тогда отмечать день рождения. Все плохо вышло, но поехал – а раньше бы ни к кому.

Можно спросить, чтобы потом маме ответить.

Вася кивнул еще раз, но мама уже не смотрела в его сторону.

Света сидела на подоконнике, параграф по биологии повторяла – вообще с подоконников гоняли дежурные, но сейчас никого.

Вася подошел.

Вася вспомнил про стрижку.

Два дня назад мама подошла и посмотрела на его затылок – лохматый, взъерошила, стричься, сказала, когда пойдешь. Завтра, сказал Вася, но не пошел, потому что не видел страшного ничего и не хотелось тратить время – раньше с отцом ходил в парикмахерскую около дома, а потом отца кто-то возле работы стричь стал, своей машинкой, вроде как дешевле выходило, проще. Так нужно было найти одному то место, куда можно пойти, но Васе не хотелось искать. В ту ночь отчего-то почти не было запаха, и спал с открытым балконом.

Брата мама стригла, ножницами, раз в месяц. Получалось неаккуратно, но в школе ничего не говорили, мирились. Только однажды классная намекнула – и не брату, а к Васе подошла – мол, ты последил бы как старший. Вася не знал, как следить, когда и за собой не мог.

Но два дня назад мама не отошла, сказала – ну и что, что тринадцать, вон некоторые и восемнадцатилетних отправляют, раз сами не могут.

Хорошо, я пойду, хорошо.

Сказал Вася.

И пошел в мамину парикмахерскую, где Варвара, мастерица знакомая, хорошая девушка, берет недорого, работала.

Варвара полная, с короткими белыми волосами, спросила только – тебе покороче? И, не дожидаясь ответа, застрекотала машинкой – вначале там, сзади, а потом возле уха. Вася терпел.

И вот теперь подошел к Светке невыносимо-нелепый, обстриженный до цвета кожи.

– Ты чего, – удивилась Светка, – у нас что, не в этом кабинете?

Бывало, и он знал. Учителя говорили первому отчего-то, хотя одноклассникам он передавал только тем, кто первым спрашивал.

– Да нет, здесь вроде, а где еще, тут же всякое биологическое стоит, пособия наши, – пробормотал, глядя в сторону. – Можно тебя спросить?
– Спрашивай. – Она пожала плечами, отвернулась в сторону собирающихся одноклассников.
– Я знаю, что ты рисовала или что-то такое делала.
– Рисовала. Или что-то такое, – кивнула, – почему ты не можешь говорить нормально? У тебя и так…
– Что – и так? – перебил, посмотрел в глаза, слегка подняв подбородок.
– И это смешно. Да ничего, все нормально. Ну ты знаешь. Еще в прошлом году Марина Федоровна сказала, что…
– Ничего она такого не говорила. Я не обиделся.
– Ага, я видела, как не обиделся. Чуть не заплакал, просто справился.

Вася подумал, что как же зря затеял – можно было у кого-нибудь из парней потише, поспокойнее, спросить – так ведь нельзя, потому что у нее только можно было такое спрашивать, ей только верил.

– Я к чему.
– Да, к чему ты. – Света вдруг смягчается, смотрит иначе. – Я ничего такого не хотела сказать, ты не обижайся. У любого из нас был бы, ну, этот акцент, а если учесть, что ты приехал относительно недавно…

Промолчал. Не хотел об этом.

В первый год после приезда над ним смеялись, но учителя запретили. Потом он молчал, потом читал и слушал, почти победив говорок, которого не замечал раньше – не замечал и теперь. Но иногда, в минуты воодушевления или волнения – как теперь, – прорывалось старое, давно изжитое.

– Так вот, ты рисованием занимаешься – а где? И там рисование только или другие кружки есть тоже? Я для брата спрашиваю.
– А брат сам не может спросить? – прищурилась.
– Да он маленький. Стесняется.
– Ну ок. – Ей словно стыдно немного за то, что говорила раньше, что не сдержалась, потому больше не спросила ни о чем. – Хожу в художественный класс, это в культурном центре на площади Ленина. Не знаю, какой дом, но это здание с огромными колоннами. И техничка очень ругается, если без сменной обуви приходишь. Так что возьми.

Он не слушал уже – пробормотал, кивнул, отошел.

– Хоть бы спасибо. – Она ему вслед.

Обернулся.

– Спасибо. Да я сказал вроде.
– Ничего не говорил, вечно мямлишь под нос, не разобрать. И у доски когда отвечаешь – давно заметила.

Вася пошел в класс, не оборачиваясь больше.

Если мямля такой – то зачем позвала за Волгу, зачем?

Назавтра он пошел искать здание на площади Ленина.

К Днепровскому лиману они ездили каждые выходные, с мая. Они с мамой. Папа работал. Садились в автобус, а там через восемь остановок море. Не море, лиман, говорили, но Вася не понимал разницы. На том, настоящем, море не был никогда и не хотел. Вот же зеленоватое, солнечное, огромное, без берегов – правда, берега появляются, когда присмотришься. Но он старался нарочно не смотреть.

Покупали маленькие незрелые персики, сразу килограмм, споласкивали прямо в пакете водой из бутылки. И ели до вечера на пляже. На маме был красивый темно-зеленый купальник.

– Жарко сьогодні, – говорит продавщица фруктов, подмигивает ему и кладет в мамин пакет еще кислое крепкое яблоко, – одними персиками не наїшся.

Мама смущается, благодарит.

Яблоко он съест только через несколько дней, дома, когда на нем уже появится желтовато-бурое пятнышко.

В зале пахло – не так, как из распахнутых окон утром.

За партами, расставленными не как в школе, а близко-близко друг к другу, сидели дети – младше него, некоторые казались сверстниками. Никто не говорил, не кашлял, не смеялся.

И самому хотелось молчать, затаиться, беречь дыхание, как во время кросса вокруг школы.

Он вдохнул.

Ничего.

Он не почувствовал тяжести воздуха. Будто не вдыхал сквозь горло в хроническом фарингите (а мама говорила – это от того, что слишком широко отворяешь окно, но не от этого), забыл дышать, остался не Вася, состоящий весь из уродской стрижки, украинского акцента, пятерок в тетрадях, а другой, вдохнувший.

Кто-то обернулся на него, но потом опять опустил голову к доске.

Взрослый мужчина встал и подошел к Васе.

– Только тихонько, тренируемся, – сказал мужчина.

Вася кивнул, но не понял – что-то важное происходит, но неясное.

На мужчине черная кофта на молнии, странно похожая на женскую, – Вася представил, что скорее его мама бы могла надеть подобную – хотя нет, мама больше любит яркое, броское, и раньше с вещевого рынка приносила только что-то сиреневое, цветное. У мужчины короткая стрижка, но слишком отросшая – волосы закрывают уши, лежат на шее. За такое мама сказала – чего лохматый сидишь, а мужчине все равно. Ему никто не скажет идти в парикмахерскую к Варваре.

– Ну чего? – Мужчина прикрыл дверь и обернулся к Васе, хотя до странности не хотелось выходить из большой комнаты, хотелось следить за непонятными движениями ребят, за выражением их глаз.
– Я искал вас. – Вася посмотрел на глаза мужчины, точно заспанные, узковатые, окруженные неприятными мешками, точечками, точно у больного. Вася видел такое у бабушки, еще тогда, до переезда – не нравилось подходить близко и терпеть, но бабушка плохо слышала, наклонялась к нему, отчего и глаза было видно слишком ярко и неприятно, и пергаментно-тонкую кожу на висках, и истончившиеся беловатые волосы, не седые уже даже.
– А чего искал?
– Мне сказали, что здесь учат играть.
– Ну как учат, уже играем. – Мужчина кивнул на дверь. – А ты вообще ничего?
– Я ничего, – хотя и не понял, но ведь это только одно могло значить.
– Ну есть группы начинающих, хотя ты уже и большой для них. Лет тебе сколько?
– Тринадцать.
– Вообще поздно. – Мужчина пожал плечами, снова посмотрел на дверь. – Но мы тут муниципальное учреждение, отказать не можем. Приходи завтра к шести.
– К шести? – переспросил, зачем переспросил, вовсе незачем было, показался глупым, медленным, невнимательный, показался ведь.
– Да. Как ты будешь с девятилетками?.. Ну не знаю. Может, справишься как-то. Ростом ты как они.

А ростом Вася не такой, как они, был. Вытянется-вытянется, сил наберется.

И мама утешала.

Но иногда, когда случайно видел себя в зеркале, замечал – да, маленький, сутулый. Но если выпрямиться, свести лопатки – ничего.

Даже и Светка не смеялась тогда, когда он спрашивал, потому что не над чем было.

И обрадовался, потому что в школе можно было легко до трех досидеть, потом до пяти ходить по городу, он знает автобус, в котором кондуктор к детям не подходит, потому можно уехать чуть ли не до самой Самары, а в пять уже можно идти к площади Ленина, медленно-медленно, если мороза не будет, а если будет – зайти в палатку погреться, постоять. А там – сколько продлится, столько должно длиться, не спросил. Подумал, что шахматы – это недолго, потому что еще там, дома, дедушка сидел с соседями во дворе под виноградом, долго-долго, до самого вечера, что приходилось звать ужинать, а он шел не сразу, говорил – дай партию закончить.

Поэтому раньше десяти домой не придешь, не встретишь папу.

Вася не любил встречаться с папой – в ванной, на кухне ли, поэтому старался вставать раньше, но если папе в утреннюю смену, то не выходило, потому как тот поднимался, а мама, сонная и прозрачная, стояла над плитой и сыпала белую манку в бурлящую воду с каплей молока. А если папа шел в день – да, тогда хорошо сидеть одному на кухне под закрытыми-занавешенными окнами, выгнутыми зелеными растениями, зная, что папа не придет, не окатит запахом застоявшегося старого тела, выцветшей ткани, табака.

А в ночь шедшего его никто дома не встречал.

И сейчас дома мама одна.

– Завод открылся, говорят. Новый. Десять тысяч человек будет работать.
– А нам что?
– Ничего. Звонил там приятель один, еще в шарагу вместе ходили. Говорит, устроился, и платят хорошо. Можно встать в очередь на квартиру, а пока и снимать можно. Недорого, города-то пока, считай, что и нет. Так, поселочек.
– Так ты хочешь, чтобы мы в поселочек переехали? – У мамы глаза были злые, невнимательные.

Вася не знал, обязательно ли прощаться и что-то чувствовать, но мама ехала в автобусе пустая и холодная, не смотрела, когда трогал руку, спрашивая по привычке – мама, долго еще. Хотя и сам уже год как мог наизусть сказать остановки, мимо которых они проезжали.

– Хочу, чтобы переехали. Ты на сына посмотри. Пялит глаза на всех во дворе день-деньской, или вы с ним на лиман таскаетесь, а не делаете ни черта. Да, еще читает какие-то старые растрепанные книжки.
– Какие в библиотеке дали, такие и читает. Он хорошо читает.
– Ты хочешь сказать – не то что я? Да где уж мне читать. Я на вас, оглоедов, зарабатываю. И чтобы мне еще говорили, чтобы ты говорила. Когда перестанешь уже.

И мама переставала говорить, внутри себя оставляя.

– Ну что, узнал что-нибудь? – Уже переоделась с работы, краску с век смыла. – Я вот подумала, что ты мог бы тоже что-нибудь рисовать, как Света. Я помню, что хвалили – какие-то деревья рисовал странные, вроде как таких не бывает, но учительница по рисованию все равно хвалила. И вот, кстати, – попробуй, я в твоем возрасте что-то такое нарисуй, мигом бы отхватила. А вы ничего, можете. На рисование пойдешь?
– Нет.
– Я так и знала, что ничего не узнаешь. Почему сложно просто взять и спросить? Анна Николаевна уже и меня спрашивает – что же вы его в секцию или кружок не отдадите, а то ребята, сами видите, не больно-то общаются. А ты с ними сам не разговариваешь. Думаешь, что они дураки.
– А они не дураки?
– Слушай, я не знаю, кто тут дурак. Я тех мальчиков не видела.

Молчали.

– Что же, так и не пошел никуда?
– Был.
– И что?
– Взрослый, сказали.
– Господи, это ты-то взрослый? А остальные у них кто – детсадовцы?
– Не знаю. Ну сидят мелкие какие-то.
– Ты у меня тоже маленького роста всегда был, даже и за школьника долго не принимали.

Мама развернула фантик у маленькой конфеты «Барбарис» и стала катать ее во рту, а он красные пятнышки у губ замечал.

Когда отец уже принес купленные в кассе билеты, мама сказала – пойдем, попрощаемся с лиманом. Вася не знал, обязательно ли прощаться и что-то чувствовать, но мама ехала в автобусе пустая и холодная, не смотрела, когда трогал руку, спрашивая по привычке – мама, долго еще. Хотя и сам уже год как мог наизусть сказать остановки, мимо которых они проезжали.

Почему-то возле моря на этот раз никто не продавал фрукты и кукурузу.

– И хорошо, – сказала мама, – а то орут эти вечно, випічка, булки… Хотя бы замолчали.

Васе нравилось, что кричали. И пахнущие подсолнечным маслом, сахаром и жарой булки тоже нравились, хотя мама никогда и не брала. Говорила – что, я тебе дома такие не испеку, но никогда не пекла.

Мама подошла к лиману, наклонилась и коснулась зеленовато-мутной теплой воды.

Назавтра после школы гулял по холоду до четырех, потом дул на покрасневшие руки – сквозь нитяные перчатки сделались растрескавшимися ладони и пальцы. Видно ли будет, когда оставит перчатки в гардеробе, сядет с кем-нибудь за одной доской – не помешают ли руки, придется ли самому не смотреть?

В холле Дворца культуры никого.

В гардеробе тихо, только сидит бабушка на табуретке, чуть раскачивается, и будить жалко.

– Здравствуйте, – говорит он, а потом чуть громче: – Здравствуйте.

Бабушка открыла глаза, рукой махнула – мол, сам зайди и повесь.

Он перчатки в карман куртки положил, поднес ладони к глазам – нет, ничего. И пошел без страха, поднялся по лестнице. Потом только испугался, что не найдет дверь, не найдет мужчину в женской кофте, который позвал. А снова объяснять – нет, не стал бы. Уж лучше развернуться и опять спуститься вниз, к спящей бабушке.

Но в двери вставлены полупрозрачные стекла, поэтому Вася увидел. В зале никого, но голоса слышны из комнаты рядом. Детские голоса, тоненькие, звонкие.

У него какой?

Света говорит – мямлит себе под нос, не понять ничего.

А если одному говорить, в комнате, чтобы ни мамы, никого? Будет ли звучать голос по-другому, можно ли услышать его другим? Он зажмурился в коридоре, попытавшись представить – а если крикнуть сейчас: «Привет!» – скоро ли разнесется крик между стенами и потолком, как прозвучит? Как у этих детей из-за двери?

Он постучался и вошел.

Девчонка, маленькая совсем, похожая на второклассницу, отвернулась от доски и посмотрела на него. У нее маленький нос и царапинка на губе.

– Привет, – сказал он тихо.

Девочка не ответила, но и не отвернулась.

Вчерашний мужчина в женской кофте – так он в ней и остался, и кажется, что приди Вася через неделю и через месяц, то и тогда, – встал и подошел ближе. Маленькая девочка под его взглядом посмотрела вниз, на расставленные фигуры. Вася не понимал, что они значат.

– Дошел до нас. – Мужчина слегка улыбнулся, как-то внутрь себя, не напоказ, как Вася еще не видел никогда. – Думал, не придешь, уж очень – я не знаю, взрослый, серьезный. Не захочешь новому учиться.
– Я хочу.
– Понятно. – Мужчина вдруг протянул ему руку. Странно, резко, как взрослому. – Меня зовут Леонид Сергеевич.

Вася подумал, что этот голос тоже не прозвучал бы между стенами звучно и хорошо.

Ленид Сергеич.

Больше на это похоже.

– Сейчас сядешь со Стасом, он тебе правила объяснит. Какие вспомнит. Да, Стас? А Женя со мной сядет.

Паренек лет девяти за первым столом кивнул – неохотно, солидно. Девчонка, высокая, нескладная, поднялась и застыла, не зная, куда себя деть. Так стояли и смотрели, как Вася между столами шел.

– Ты давно занимаешься? – Вася сел напротив Стаса. У Стаса грязная отросшая челка, убранная за уши.
– Три недели.

Стас объяснял сложно.

Ну вот они так должны стоять.

Вот эта штука с маленькой короной на голове, которая непохожа на корону, называется.

А как называется, я не помню, как называется, Ленид Сергеич сказал, но я забыл почти сразу, а переспрашивать стыдно, потому что вон даже мелкие эти запомнили, только выговаривают как-то неправильно, не знаю почему, не слышу. Но это неважно, потому что эта фигура с маленькой короной прыгает и так и эдак, мне кажется, что она самая сильная, самая быстрая, потому что слоны и кони неповоротливы, а этой ты можешь все.

Жаль все-таки, что я не помню названия.

Через полчаса к ним подошел Леонид Сергеевич.

– Ну что, Стас, объяснил? Расстановку, названия, ходы?
– Да, – Стас кивнул, – все сказал.

Так и не спросит, как называется, будет думать до вечера, не догадается.

– У вас был русский язык в школе?

Вася кивнул.

Учительница пожала плечами – да, пишешь ты неплохо, стараешься, и ошибок мало. Диктант чистый, ровный – на черновик писал, потом переписывал, когда успел? Нет? Значит, просто дано все – и аккуратность, и почерк.

– А почему к доске не выходишь?

Вася пожал плечами.

Раньше выходил, только смеялись все.

– Ты же не заикаешься, ничего такого. Я слышала, как ты с мамой разговариваешь, с директором, когда вы только переехали сюда… Сейчас-то что?
– Они говорят – я как-то не так говорю. По-другому нужно. А я не умею.

Учительница подняла голову, подумала:

– А ты слушай, как говорят, и повторяй.

А что они говорят?

Шахматы продавались в детском отделе универмага. Там тетка сидела над стеклянной витриной, сканворды разгадывала – он даже думал посмотреть, подсказать ей слово, если не разрешит. Взглянул на нее.

– Вам что-то подсказать?

На «вы» назвала, но почувствовал и рост маленький, и красные пятнышки, которые два месяца назад появились на щеках и не проходили.

– Шахматы покажите, пожалуйста.

– Пожалуйста. – Она пожала плечами, отвернулась к полкам. – Да они в упаковке, наверное, не откроешь.

– Хорошо-хорошо, давайте, – нетерпеливо сказал Вася, вынул несмятые и посчитанные заранее деньги, – девяносто?

– Да. – Женщина взяла деньги, стала щелкать что-то на кассовом аппарате. – Пакет нужен?

Хотел сказать – нет, но спохватился – а как нести, через три улицы, что ли, нести, в маршрутку садиться, а потом мимо школы. Нет, увидят, узнают, а зачем – хотя Светка, наверное, догадалась, потому как смотрела потом и не здоровалась.

Он думал, что будет грустно, но почему-то не было.

– Нужен.

Женщина достала белый тонкий пакет и положила в него шахматы – пакет такой тоненький, что черно-золотистые клетки просвечивали явно и заметно. Все сразу увидят, поймут. Поэтому Вася берет пакет из рук продавщицы, оборачивает еще один раз оставшимся целлофаном и несет, словно книжку. Из библиотеки тоже так носил, чтобы никто не увидел названия.

Дома отец не спал.

Ему в ночную сегодня.

Вася положил шахматы на тумбочку и снял ботинки.

– Это что за штука? – Отец дернул пакет на себя, не удержал. Доска гулко стукнулась о деревянные доски пола, и что-то живое, маленькое, рассыпалось внутри. – И положил черт знает как, кто же так близко к краю кладет.

Вася наклонился, поднял. Фигуры внутри снова зазвучали, но ровно, успокаивающе – мы тут, рядом, мы никуда от тебя.

– Откуда у тебя? На занятиях дали, что ли?

Вася кивнул. Хотелось, чтобы отец ушел.

– Давай. – Отец покачнулся, взглянул на себя в висящее над тумбочкой зеркало. – Мы вон тоже тогда-то, в Николаеве… Играли, было дело, да. Во дворе с соседями собирались, да и с других дворов посмотреть приходили. Твой папаша тоже не промах.

Вася кивнул. Не хотелось слушать.

И разве он мог?

Он-то, в майке длинной, растянутой?

Хотя и Ленид Сергеич некрасивый, неаккуратный.

Вдруг и без разницы?

– Ходы-то хоть знаешь? – продолжал стоять отец.

Он кивнул, повесил куртку и ушел в комнату к брату.

Он где-то.

Достал доску из пакета, взглянул. И надо было в этом магазинчике открыть, посмотреть – хотелось, чтобы фигуры были лаком покрытые, а не выструганные негладко, но постеснялся продавщицы, не решился. Потому что кто такой – мешать, отвлекать, так почувствовал, хотя за все время, проведенное здесь, в Энске, очень устал от этого чувства.

В школе не задирают, не презирают, не дразнят, даже с собой за Волгу позвали – и ничего.

Не может найти способа разговаривать, заинтересоваться их делами.

А дела-то общие – что по географии задали, зал сегодня на физкультуре или улица, можно ли поиграть у него в приставку (нельзя, потому старая «Сонька» осталась в Николаеве, а здесь-то, здесь разве до приставок всем, мать с отцом и так из сил выбиваются, работают; и пускай некому так сказать было, но), а больше никаких с одноклассниками Вася и не хотел.

Фигуры оказались нелакированными.

Расставил, медленно вспоминая, как нужно.

Вот этот, с маленькой короной – справа или слева от короля?

Но вспомнил, рассчитал.

Поставил.

Поставил.

И ничего.

Так стояли друг друга напротив, безмолвно, безучастно.

Вася поднял руку, занес над пешкой, той, что стоит перед королем. Рука не опустилась, осталась, точно и не хотелось касаться дерева, плохо обработанного мелкой наждачной бумагой.

Нет Стаса.

Нет Ленид Сергеича.

Что дальше – а ничего дальше, потому что один на всю комнату, полную запаха, который так и не улетучился с вечера (днем на улице слышен не так, как будто вымывается / притупляется воздухом, зато дома остается на день, и когда Вася возвращался после школы домой, но в каждом закуточке замечал), полную тонких чахлых цветов, которые мама уже вторую весну высаживает на подоконник, но к зиме кончаются, засыхают.

А сейчас что?

Вася смотрел.

И папы нет – он остался в коридоре, а потом ушел на кухню греть оставленные мамой в сковородке слипшиеся рожки.

– Вась, – папа тихонько постучал в двери, – я там разогрел. Будешь?

– Ну что, ходишь в культурный центр? – Света подошла, остановилась возле парты.

Кто-то сзади нее встал, взглянул из-за плеча. И пусть. Пусть стоит. И раньше не замечал, а теперь приучился смотреть прямо перед собой.

– А что?
– А ничего. Видела там твою куртку в раздевалке.
– Видела и видела.
– Значит, ты не брата встречаешь.

Вася пожал плечами.

– Я тоже допоздна задерживаюсь. У нас иногда там занятия сдвоенные получаются – так педагог хочет. Когда она болела до этого или что-то такое.

Вася кивнул и открыл тетрадку.

– Бабка моя говорит, что жалко, что со мной никто из пацанов не ходит. Ну, в художку.
– Почему жалко?
– Потому что поздно. – Светка повернулась к кому-то за спиной, улыбнулась наспех. – А бабушка говорит, что в старое время мальчики девочек до дома провожали. Ты не хочешь меня провожать?

Светка зажала рот рукой – рассмеялась, развернулась и снова рассмеялась, уже с тем, кто стоял за ее спиной. Вася присмотрелся – да, он, точно.

Глеб.

У Глеба выходит пятерка по математике.

У Глеба много пятерок.

У Глеба белые кроссовки, которые он каждый день после уроков протирает в туалете. Гордится. И верно – ни у кого нет таких белых, а если и случаются, то мигом в этом Энске становятся серыми, обычными.

Вася и покупать бы такие не стал.

Вот предложи кто – не стал бы.

Глеб и Света выходят из класса.

Вася рисует в тетради сине-прозрачные квадраты.

Ленид Сергеич сменил кофту.

Был в женской, стал в синей, джинсовой, – она тоже вытерлась на локтях, стала белесой, прозрачной, в тонкую ниточку, но все же стало легче слушать только объяснения, не глядя ни на что больше, не замечая одежды и прически, запаха не ощущая, заглушив.

Интересно, а можно ли заглушить и *тот* запах – оставив как-нибудь нараспашку окна, а утром просто не почувствовать, проглядеть, подумать о том, что важнее, правильнее?

Ленид Сергеич сказал ему, как называется та фигура с маленькой короной на голове.

Стас не помыл голову – и отросшая челка почти падала на доску, но никто не сказал, не отругал, не велел пойти в парикмахерскую к Варваре; не заметили.

Вася снова играл со Стасом, но через две партии Ленид Сергеич подошел, посмотрел на доску и велел пересесть.

– Куда? – Вася огляделся, но только одно свободное место увидел – как ее звали, забыл, кажется, Анжелика или как-то похоже – как стали в последнее время, когда он уже подрастал, называть всех маленьких – красиво, звучно. Но вот ему такие имена отчего-то не запоминались, не ложились на слух.

Анжелика пожала руку.

Не сказала, что он говорит плохо и непонятно.

Ничего не сказала.

Кажется, не заметила и челки, остриженной коротко и не к лицу.

– Привет, – сказал осторожно, тихонечко.
– Нельзя разговаривать, – опустила глаза и поставила пешку на E4.

У Анжелики темная коса. На занятиях она заправляет ее за ворот голубого джемпера.

После турнира они шли неслаженно, по обе стороны улицы. Ленид Сергеич замыкал, чтобы никто не потерялся – ведь и эти были, маленькие, девятилетки, у которых, кажется, дела были гораздо лучше, чем у него.

Ты не расстраивайся, Ленид подошел, сказал. Ты занимаешься-то всего сколько. А они?

Поэтому тебе нос вешать уж точно не стоит.

– Я и не расстроился. – Вася не смотрел на него.
– Чувствуешь себя виноватым. – Ленид отошел, потом обернулся и добавил: – Но очень-то хорошо тебе никогда не будет, ни в школе, нигде.

Вася стал вспоминать – а где очень-то хорошо? Наверное, когда на втором месяце занятий (а он стал ходить четыре раза в неделю, а когда не ходил, то непрерывно смотрел на те фигуры, что расставил раз и навсегда дома, не двигал даже, смотрел) зашел в кабинет, сел, а возле тренера новый паренек стоял, не знал, куда себя деть.

И тогда Ленид Сергеич подвел паренька и сказал – Вась, объяснишь ему тут все? А паренек смотрел испуганно и непонимающе (неужели и сам так раньше?), и слушал, и не переспрашивал. Еще Вася боялся где-нибудь перепутать, но нет.

Парень так и запомнил.

Ленид Сергеич не поправил.

Потом подошла Анжелика.

– А у нас завтра по алгебре контрольная, – сказала. – Ничего в ней не понимаю, училка орет еще. А ты понимаешь?

– Да. – Он и вправду понимал, не думал о контрольных просто. – А что вы проходите?

– Да я не помню, что. Они проходят, а я так сижу… Давным-давно учительница сказала – ладно, сиди, только не мешай. Так и сижу.

– А ты не сиди. Вставай. Покажи ей тетрадку – вдруг все же вышло правильно.

– Ага. Ты куда сейчас – домой?

Домой было нельзя. Вася не хотел слушать вопросы и снова не помнил, в какую смену работает отец. Хотя тот тише стал, спокойнее.

– Нет.

– Ты недавно в Энск приехал? А на Волге был?

Он был.

– Не видел.

Видел – только заснеженную, затканную неровно-белым. Может быть, она покажет другую. Так давно хотел посмотреть, чтобы забылся приторно-ягодный запах «Ягуара», и смех Светы, и вязаная шапка, пахнущая душной теплотой.

– Поехали.

– А родители что?

– Ничего. У меня на маршрутку есть.

И у него было.

Они купили в буфете пиццу с колбасой.

Река грязная, большая, чистая от снега, бурлит и бурлит под мостом, таскает что-то в себе – маленькое темное.

– Это живое, смотри, живое?

Анжелика не смотрит вниз – да, живое, было живое, сейчас унесет. И Волга уносит то, что было живым, не велит оборачиваться, не велит вниз смотреть.

– Там, откуда ты приехал, была река?

– Было море.

– Такое же грязное?

Он покачал головой. Как море может быть грязным – хотя и ходили возле него, и кукурузу продавали, и говорили на двух знакомых языках (может быть, потому над ним здесь все смеялись, потому что и в его голосе сразу два звучало?) – но отчего-то нестрашно было зайти, с головой окунуться. Другое дело здесь.

Другое совсем было, непохожее.

Он потом долго пытался вспомнить море, его лиман, но не мог – все мерещилось маленькое живое под мостом в бурлящей грязной воде.

Закрыл окно от холода – и понял, что оно всю ночь было открыто, и потому снился ветер. Замер, постарался почувствовать – где тот запах, что преследовал, от которого у мамы болела голова, от которого отец хотел переселиться подальше, но никак не мог заработать?

Мама вошла грустная – опять забыл закрыть, я же учила, просила. Так задохнемся и не найдет никто.

Да-да, сказал Вася, прости, пожалуйста, вчера усталым очень лег, не подумал.

Почему ты никогда ни о ком не думаешь, кроме себя?

Мама спросила. Мама ушла в ванную мочить платок.

Сейчас она посидит в коридоре минут десять, а потом пойдет варить кашу.

Он снова тронул деревянную рассохшуюся раму, пахнущую старыми шахматными досками во Дворце культуры, – и сквозь щели почувствовал, что можно и не закрывать было. Ничего. Ничего нет теперь. Нет запаха. Он посмотрел в окно – внизу Глеб идет, держит за руку высокую девочку с длинными темными косами. Девочка не смеется, идет тихо, уверенно. Не спешит. Время у них есть. Они разговаривают, но не услышать.

Вася прищурился, прижался лицом к стеклу, но так и не сумел разглядеть – Анжелика это или нет.